

Пэй Чан стоял под душем, закрыв глаза. Потоки горячей воды хлестали по плечам, окутанному плотным облаком пара телу.

Вокруг клубился влажный пар. В голове постепенно просыпался легкий хмель — дремавшая до этого расслабленность ленивым, теплым ручейком растекалась по венам.

Спустя несколько минут он открыл глаза и посмотрел на свои пальцы. Вода уже смыла с кожи крошечный багровый след. Пэй Чан медленно зачесал назад мокрые волосы. Его взгляд — тяжелый, ледяной и отчужденный — вновь обрел привычное равнодушие.

От недавней мимолетной истомы не осталось и следа.

Выйдя из ванной, он накинул шелковый халат, налил бокал красного вина и остановился у окна, бездумно всматриваясь во двор.

Там, где прежде чернел заброшенный пустырь, теперь раскинулся пышный розарий. Алые бутоны сливались в сплошное, режущее глаза полотно — яростное, кричащее, пышущее болезненным великолепием.

Пэй Чан никогда не вникал в подобные мелочи. Садовник вырастил этот сад по собственной прихоти, решив, должно быть, что среди серого, унылого пейзажа только кричащий красный цвет способен заполнить звенящую пустоту.

Но Пэй Чан никогда не любил розы.

Ему нравились другие цветы.

В памяти вдруг ожил летний день из далекого детства: распускающиеся белые лепестки под ослепительным солнцем, прохладная тень деревьев и ласковый, чистый ветер, целующий щеки...

Пэй Чан зажмурился и одним глотком осушил бокал.

Подойдя к постели, он выдвинул ящик прикроватной тумбочки, достал темный флакон и вытряхнул на ладонь две таблетки. Движения были отработаны до автоматизма. Он разжевал лекарство и проглотил, словно обычный леденец.

Затем застыл на краю матраса каменным изваянием. Но не прошло и двух минут, как рука его снова потянулась к флакону. Он высыпал еще пару таблеток и равнодушно отправил их в рот.

[Хозяин...]

Система 7008 наблюдала за этим с содроганием. Оно всерьез опасалось, что к утру — нет, уже среди ночи — обнаружит своего подопечного окоченевшим, словно бревно.

Пэй Чан проигнорировал ее тревогу. Он лег в постель, вытянулся на спине и аккуратно сложил ладони на животе. В этой идеально ровной позе он и сам походил на труп.

7008 обиженно надуло губы и уселось на пол. Ему до смерти хотелось затянуться сигаретой, но, вспомнив тяжелый, зловещий взгляд Пэй Чана, оно лишь обреченно вздохнуло.

Вилла стояла на отшибе, в глухом уединении, и по ночам вокруг царило абсолютное безмолвие. Не доносилось даже шелеста ветра.

Лишь сверху время от времени доносился резкий металлический лязг — кто-то с силой натягивал цепи, и этот скрежет отдавался в потолке жутким, потусторонним стоном.

Звуки, способные нагнать ужас на любого, подействовали на Пэй Чана умиротворяюще. Напряжение наконец сошло с его лица.

Засыпая, он перенесся в далекое детство. Ему снова было восемь. В этой огромной, пустой спальне он был не один — у постели вертелся преданный бродячий пес, заглядывая ему в глаза с обожанием.

Его собственный, единственный в мире щенок.

Стоило протянуть руку, как пес принимался бережно облизывать пальцы, раз за разом отвечая на безмолвную ласку.

Пэй Чан медленно приподнял уголки губ и протянул руку под кровать, но, подождав долгое время, почувствовал лишь холодный воздух, обволакивающий его пустую ладонь.

В ту же секунду почва ушла у него из-под ног. Он сорвался в бездну, кубарем полетев из ласкового весеннего тепла в непроглядный мрак.

Он резко распахнул глаза. Сердце колотилось в груди с бешеной скоростью, готовое разорвать ребра.

Пэй Чан судорожно ловил ртом воздух, легкие горели от нехватки кислорода. В висках пульсировала острая боль. Спальня кружилась в безумном танце, а потолок в полумраке казался разинутой пастью чудовища.

Он сел, комкая простыни дрожащими пальцами и прижав ладонь к лицу. Тьма скрывала его черты, но тишину спальни нарушил едва слышный, прерывистый вздох.

Этот слабый звук, столь чуждый суровому образу Пэй Чана, мгновенно растаял в темноте.

7008 взволнованно следило за каждым его движением. Как примерная «система-мамочка», оно было обязано запустить протокол экстренной помощи при первых же признаках остановки сердца. Малыш решительно сжал кулачки, готовый в любую секунду нажать на тревожную кнопку.

Пэй Чан поднял голову. Лунный свет, пробивавшийся сквозь шторы, прочертил на его лице резкую границу, разделив его на две половины — мертвенно-бледную и черную. Но глаза, поймавшие этот бледный луч, оставались безжизненными и пустыми, словно заброшенный колодец.

Глядя на эту пустоту, 7008 бессильно опустило руки.

Сверху больше не доносилось ни звука, словно скрежет цепей был лишь плодом его больного воображения.

Вокруг воцарилась давящая, осязаемая тишина. Порой такое безмолвие пугает куда сильнее любого крика.

7008 хотело было заговорить, но Пэй Чан уже сбросил одеяло. Он молча поднялся, зажал под мышкой подушку, подхватил одеяло и вышел из спальни.

Босиком он поднялся по узкой лестнице на чердак и толкнул дверь. Даже не взглянув на сидевшую в углу массивную, похожую на утес фигуру, Пэй Чан расстелил одеяло прямо на пыльных досках, уложил подушку и лег. Он вытянулся, скрестив руки на животе, и ровно прикрыл глаза.

У 7008 отвисла челюсть. Справившись с шоком, оно аккуратно вернуло ее на место.

Этот чердак только казался тесным. На самом деле здесь было просторно, но то была простота склепа.

Из обстановки — лишь стальной операционный стол, шкаф да одинокий деревянный стул. О смене времен года напоминало только крошечное слуховое окно под самым скатом крыши, но и оно лишь подчеркивало сходство чердака с тюремной камерой.

Даже с закрытыми глазами Пэй Чан отчетливо чувствовал на себе тяжелый, немигающий взгляд.

Так во тьме на добычу смотрит затаившийся хищник — хладнокровный, лишенный всяких чувств. Но Пэй Чан не испытывал страха.

Его раздражала тишина, стоявшая здесь точно так же, как и на нижнем этаже. Он недовольно нахмурился.

Он давно привык ко мраку, научился находить покой в уединении. Но теперь все изменилось. Он больше не был один. Он вернул своего «пса» и не собирался мириться с удушающим безмолвием.

Во тьме Пэй Чан открыл глаза и несколько секунд всматривался в очертания фигуры напротив. Затем резко протянул руку, вцепился в спутанные длинные волосы, разметавшиеся по полу, и с силой рванул на себя. Истощенное, измученное голодом чудовище тяжело повалилось вперед, накрыв его своим массивным телом.

— Гуайгуай, скажи что-нибудь.

Пэй Чан крепко держал жесткие пряди и без тени страха рассматривал нависшее над ним пугающее, искаженное лицо мутанта.

Монстр приоткрыл пасть и предупреждающе оскалился.

— Подай голос, — тихо приказал Пэй Чан.

Понял ли его мутант — неизвестно. Запястья твари стягивали тяжелые кандалы, но когти судорожно скребли деревянные доски, издавая опасный, скрежещущий звук. Одно движение — и эти лезвия могли бы легко перерезать горло.

Пэй Чан глубоко вздохнул и сел. Он грубо схватил существо за челюсть, заставляя раскрыть пасть, и презрительно усмехнулся. Затем неторопливо провел подушечкой указательного пальца по острому клыку.

— Слижи.

Приказа ждать не пришлось. Мутант с жадностью рванулся вперед, скользнув шершавым языком по его пальцу и слизывая каплю крови.

Острое покалывание смешалось с щекочущим теплом чужого дыхания. Пэй Чан удовлетворенно прикрыл глаза.

— Гуайгуай, ты стал другим, — прохрипел он в полузабытьи.

Тот забитый щенок, которого он когда-то приютил, умел лишь жалобно скулить. Он никогда не смотрел на него с такой голодной, хищной яростью, словно жаждал сожрать целиком.

Цепи зазвенели — существо задержалось, силясь урвать еще. Пэй Чан резко распахнул глаза, перехватил его за подбородок и жестким движением впечатал затылок мутанта в пол. Чердак содрогнулся от глухого стука.

Черные пряди рассыпались по досках, обнажая бледное, жуткое лицо. Тварь уставилась на него бездонными темными глазами. Ее длинный, влажный язык скользнул по его запястью, мазнул по ладони и протиснулся между пальцами.

В этом вязком, интимном жесте сквозило первобытное желание — раздробить кости и сожрать его плоть до последнего кусочка.

Но Пэй Чан лишь ласково погладил жесткие спутанные волосы мутанта.

— Гуайгуай, надо быть послушным.

Он лениво дразнил пальцами податливый влажный язык, выказывая редкое, несвойственное ему терпение.

Но тварь внезапно сомкнула челюсти, силясь перекусить ему фалангу.

Пэй Чан успел отдернуть руку, но клыки глубоко рассекли кожу. Посмотрев на сочащуюся кровь, а затем на окрасившуюся багрянцем губу монстра, он без лишних слов отвесил ему хлесткую пощечину.

Звонкий удар заставил затаившую дыхание 7008 вздрогнуть.

Голова мутанта мотнулась в сторону. Он тут же оскалится, свирепо зашипел, и его когти со скрежетом прочертили по полу глубокие борозды, высекая искры.

Яркая кровь продолжала капать на пол. Пэй Чан хладнокровно оглядел рану, снова протянул руку к пасти существа и приказал:

— Слизывай.

Мутант тяжело задышал. Ярость во взгляде в мгновение ока уступила место голодному вожделению. Тварь подалась вперед и принялась жаднолизывать порез.

Стоило ране опустеть, как Пэй Чан отнял руку и нанес еще один резкий удар ладонью.

Прежде чем существо успело взбеситься, окровавленные пальцы снова оказались у его губ.

— Лижи.

Оскал мутанта застыл. Повинуясь инстинкту, он вновь высунул длинный язык.

Хлесткий удар.

Пэй Чан безучастно произнес:

— Лижи.

Снова удар.

— Еще.

Очередная пощечина.

Рана на руке воспалилась и кровоточила все сильнее, кровь смывала слюну и текла ручьем. Наконец, когда края пореза побелели, Пэй Чан грубо вытер испачканную ладонь о щеку существа.

Полученное лакомство подействовало как дурманный яд. Впалая грудь монстра ходила ходуном от частого, прерывистого дыхания. Кажется, зверь усвоил урок: за пищу нужно платить покорностью. Он притих, спрятав когти и больше не обнажая клыков.

Пэй Чан неторопливо очистил кожу. Тварь не шевелилась, не сводя с него глубоких, черных как деготь глаз.

Не обращая внимания на саднившую руку, он, словно одержимый безумец, лишенный всякой логики, снова опустился на одеяло. Он закрыл глаза и чинно сложил руки на животе.

— Спокойной ночи, Гуайгуай, — тихо произнес он.

Чердак вновь погрузился в глухое, мертвенное безмолвие.

И весь этот безумный, извращенный кошмар показался лишь мимолетным наваждением.

В полумраке огромное, исхудавшее тело мутанта оставалось неподвижным. Он сидел рядом со спящим мужчиной, укрытый собственными черными волосами, струившимися по полу.

Спустя долгое время существо медленно склонилось над ним. Вглядываясь в лицо Пэй Чана, оно шумно, прерывисто дышало ему на пальцы. Мутант порывался коснуться его кожи, но сдерживал себя. Из его горла доносилось лишь тихое, утробное урчание, полное дикой, подавленной тоски.

Смерть стояла у него над душой, но Пэй Чан спал на удивление крепко и безмятежно.

Всю ночь ему снился один и тот же сон: верный, послушный пес сидит на цепи под его кроватью и ласково, преданно скулит.

<http://bllate.org/book/20309/2106518>